

©

Малетин Н.П.
МГИМО (У) МИД РФ

ИНДОНЕЗИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 23 ГОДА «ЗАМОРОЗКИ»

После событий 30 сентября 1965 г. в Индонезии, к которым, по мнению армейского руководства, «приложили руку» и пекинские режиссеры, прихода к власти лидеров «нового порядка» во главе с генералом Сухарто и «мягкого» свержения президента Сукарно¹, Индонезия прервала отношения с Китаем. В речи 16 августа 1967 г. в парламенте генерал Сухарто открыто заявил, что «Китай прямо или косвенно причастен к этим трагическим событиям»².

Но еще до этого официального заявления при попустительстве военных участники антикитайских демонстраций в феврале 1966 г. совершили нападение на китайское посольство и в марте сожгли здание агентства Синьхуа. А командующие военными округами издали приказы о закрытии в стране всех начальных, средних и высших китайских учебных заведений, о запрещении деятельности и роспуске всех обществ или организаций *хуацяо*³. Начались репрессии против местных китайцев⁴. Министр иностранных дел Адам Малик заявил, что если граждане КНР захотят вернуться в Китай, то Индонезия не будет возражать, но у нее нет кораблей для их перевозки. Пекин заявил, что не оставит в беде своих страдающих соотечественников (а из почти 4 млн китайцев 500 тыс. не имели индонезийского гражданства) и направил в Индонезию несколько судов. Из страны выехало более 100 тыс. чел. в том числе 40 тыс. в КНР, а остальные, разместились в лагерях городских пригородов⁵. Отъезжающим запрещалось передавать право собственности на движимое и недвижимое имущество. Можно было вывезти деньги и ценности на сумму не более 10 000 рупий.

Военные продемонстрировали местным китайцам и прежде всего китайским бизнесменам, что в стране «водворяется новый хозяин, ни во что не ставящий заступничество Пекина, а потому с ним надо искать новый модус вивенди»⁶.

Однако антикитайская кампания привела лишь к дезорганизации хозяйственной жизни в стране. А после того как летом «Женьминь жибао» призвала «разгромить новый заговор индонезийских реакционеров против Китая и китайских эмигрантов», в августе

1967 г. демонстранты подожгли здание китайского посольства в Джакарте, в ответ на что в Пекине демонстранты разрушили здание посольства Индонезии. В конце октября 1967 г. персонал обоих посольств отбыл на родину, хотя Адам Малик заявил, что это «не полный разрыв, а лишь замораживание отношений»⁷.

Внутри же страны, прежде всего, следовало «заморозить» нападки на китайский бизнес, которые подрывали индонезийскую торговлю, банковское дело и промышленность. Российский исследователь Ю.В. Маретин отмечал, что лица китайской национальности контролировали 30% оборотного капитала и 70% всех финансовых операций в стране⁸. «Кавалерийская атака» на китайский капитал была прекращена в 1968 г., после избрания генерала Сухарто президентом, так как экономика страны во многом восстанавливалась благодаря усилиям китайцев.

Обладая очень сильными позициями в области экономики, китайцы в Индонезии в то же время были абсолютно выключены из политической жизни страны. До начала 1990-х положение этнических китайцев оставалось чрезвычайно сложным. Во всех сферах, кроме бизнеса, они официально подвергались дискриминации. Путь в политику был им заказан. *Хуацяо* не имели права вступать в какие бы то ни было политические объединения и тем более создавать свои. Они не могли занимать посты на государственной службе. Индонезийское руководство опасалось, что допуск китайцев в политику чрезвычайно усилил бы их и без того прочные позиции в сфере экономики.

Сохранялся запрет на преподавание китайского языка в государственной системе образования, открытие школ для китайцев, на ввоз и распространение литературы и периодических изданий на китайском языке, а также запрет на использование иероглифов в рекламе. В удостоверениях личности китайцев делалась специальная отметка, и их обладатели подлежали особо тщательной проверке спецслужбами. Существовали жесткие ограничения на поездки *хуацяо* в КНР за исключением санкционированных правительством. В 1969 г. был отменен принятый еще при Сукарно закон, предоставляющий двойное индонезийско-китайское гражданство всем желающим лицам китайского происхождения. Неурегулированный статус китайского населения являлся большой проблемой, и Джакарта опасалась, что Пекин может попытаться использовать китайскую общину, особенно тех ее членов, кто не имел индонезийского гражданства, в своих интересах. В стране был взят курс на насиль-

ственную ассимиляцию, на что с большой неохотой шло китайское население.

Континентальный Китай старался поддерживать связи с индонезийскими китайцами, и использовать фактор *хуацяо* в своей внешней политике, что вызывало недовольство Индонезии, рассматривавшей это как вмешательство в ее внутренние дела.

Поэтому министр иностранных дел А. Малик, подталкивая Пекин к первому шагу, заявлял в конце 1969 г., что Индонезия «держит дверь открытой для переговоров о восстановлении отношений и что для Китая настало время проявить соответствующую инициативу в этом»⁹.

Маоистский Китай и слышать не хотел о предварительных условиях, которые выдвигала Джакарта, выполнение которых было необходимо для возобновления дипломатических и торговых отношений:

1. Отказать членам индонезийской компартии, которую обвинили в причастности к событиям 1965 г., в политическом убежище, предоставленном им.

2. Отказаться от практики партийных связей при поддержании отношений с правительствами стран ЮВА.

3. Принести официальные извинения за вмешательство во внутренние дела Индонезии.

4. Не использовать *хуацяо* против интересов Индонезии и для подрыва ее безопасности.

Не удивительно, что уже в начале 1970 г. А. Малик констатировал, что пока нет признаков перемен в позиции КНР¹⁰.

С 1967 г. между двумя странами практически не было никаких прямых контактов до приема КНР в ООН и нормализации американо-китайских отношений в начале 1970-х годов. Летом 1970 г., по словам А. Малика, Индонезия обращалась к правительству Румынии с просьбой оказать услуги в деле выяснения готовности Пекина предпринять шаги в сторону нормализации отношений, а в начале 1971 г. Джакарта зондировала позицию Китая через канадского премьера Э. Трюдо и госсекретаря по иностранным делам Югославии. Однако из Пекина отвечали, что Джакарта несет полную ответственность за создавшуюся ситуацию и КНР отклоняет всякие ее предварительные условия.

Индонезийский МИД констатировал, что Китай еще не проявляет доброй воли, чтобы воспринять стремление Индонезии¹¹.

Ориентирующаяся в то время на США, созданная еще в 1967 г. по инициативе Индонезии Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), имеющая антикоммунистическую (в основном антикитайскую направленность), безусловно, не могла не заинтересовать Пекин. Китай стремился к установлению нормальных отношений со своим соседями – тогдашними членами АСЕАН, которая все энергичнее заявляла о себе. В организации верховодила Джакарта. Индонезия при генерале Сухарто являлась неформальным лидером Ассоциации и без налаживания отношений с ней Китай не имел шансов развивать отношения со всей организацией, довольствуясь лишь связями с ее отдельными членами на двусторонней основе. И в 1973 г. Китай предложил Джакарте нормализовать отношения. Однако индонезийское военное руководство негативно восприняло китайскую инициативу, считая, что это будет угрожать безопасности страны.

Анализ двусторонних связей показывает, что в улучшении отношений и восстановлении экономических и дипломатических контактов заинтересованность проявляли как Пекин, так и Джакарта. Индонезия видела, что большинство членов АСЕАН уже к середине 1970-х годов установили дипломатические отношения с КНР и активно развивали с ней торговые связи.

В середине 70-х А. Малик заявлял, что с технической и политической точек зрения – нет проблем для восстановления отношений с Китаем, но с точки зрения внутреннего положения – Индонезия еще не готова к этому¹², имея в виду китайскую диаспору, ее экономические позиции в стране, и отказ Пекина взять на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Индонезии. Как писала газета «Индонезиан обзервер» в начале 1983 г., в руках *хуацяо* находилось 80% торговли и 50% капиталовложений в частном секторе. И этот бизнес, и капиталы «крышевали» индонезийские военные и чиновники. Индонезийский журнал «Скетсмаса», характеризуя данный процесс, писал, что «китаец с большим капиталом водит дружбу с высшими чинами, а с маленьким капиталом – с низшими»¹³. Это был обоюдovýгодный альянс.

Характеризуя подобный союз, российский исследователь Г.Ф. Ким отмечал, что он стал основой «формирования и роста тесно связанных с правящей коалицией огосударствливающих монополистических групп»¹⁴. Наладив тесные деловые отношения с китайским бизнесом в стране, военно-бюрократический режим Индонезии считал возможным ужесточить позиции по вопросу о возоб-

новлении прямых торговых связей с Китаем и восстановлении дипломатических отношений.

Влиятельный противник «поспешной нормализации», член комиссии индонезийского парламента по вопросам обороны, безопасности и иностранным делам Имрон Рошади подчеркивал, что к решению проблемы отношений между Индонезией и Китаем следует подходить с точки зрения национальной безопасности, а не с позиций экономической выгоды»¹⁵.

Чтобы взломать «джакартскую стену» Пекин прибег к методам «мягкой силы» в форме «пинпонговой дипломатии». Так в начале 1982 г. в Джакарту прибыла китайская спортивная делегация для участия в международном турнире по настольному теннису, из 20 человек которой было лишь 9 спортсменов. Ее глава – председатель китайской федерации настольного тенниса получил возможность для ведения закулисных зондажных переговоров по двусторонним проблемам, что признал вице-президент Индонезии А. Малик, отметив, что для нормализации отношений «время пока не настало», так как между странами существует много нерешенных проблем.

Когда премьер Японии в ходе своего визита в Джакарту в мае 1983 г. передал Сухарто пожелание Китая нормализовать отношения, президент Индонезии ответил, что это зависит лишь от самой КНР, которая не дала заверений, что не будет оказывать помощь антиправительственным силам, так как Индонезия ставит проблему безопасности и национальных интересов превыше всего.

Чтобы лишить Пекин возможности использовать *хауцяо*, в 1979 г. возник план по предоставлению китайскому населению индонезийского гражданства, с учетом того, что решение вопроса об иностранцах устранило бы одно из препятствий на пути нормализации индонезийско-китайских дипломатических отношений¹⁶.

Однако эта инициатива встретила решительное сопротивление со стороны военных, многие из которых говорили о китайцах как о «змеях», которых Индонезия пригрела у себя на груди, как о потенциальных агентах вражеской страны, представителях «пятой колонны» за которыми надо следить с особой бдительностью. Натурализация где-то более полумиллиона китайцев могла бы поднять ультранационалистическую волну в стране.

Однако на смену такой позиции постепенно пришло понимание того, что жесткая дискриминация китайцев еще более обостряет двусторонние отношения между странами, и *хуацяо* могут быть

использованы Пекином в своих интересах. Отношение военных начало меняться. Постепенно стала преобладать та точка зрения, что если Индонезия не сможет привлечь китайцев на свою сторону, то Китай сможет использовать их, когда ему это удобно¹⁷. Но, несмотря на принятие закона об ассимиляции, настороженно-подозрительное отношение к китайцам сохранялось и в случае кризисов, прежде всего, финансово-экономических, *хуацяо* всегда оказывались крайними, народное недовольство умело направлялось в их сторону, примером чего стали погромы 1986 г.

Джакарта требовала от КНР гарантий невмешательства в ее внутренние дела в случае возобновления торговых и дипломатических отношений. На нормализацию торговых связей влиял и фактор Тайваня, с которым, при отсутствии дипломатических отношений и формальном признании Джакартой «одного Китая», деловые и военные круги страны развивали активные контакты, выступая в роли антипенкинского лобби.

Становилось очевидным, что процесс нормализации отношений будет проходить поэтапно. За спортивными контактами последуют обмены торгово-экономическими делегациями, что подготовит торговое соглашение. Затем начнется торг по главному вопросу – на что готов пойти Пекин для восстановления дипломатических отношений и открытия своего дипломатического представительства в Индонезии. Обеим странам требовалось пройти немалый путь. Процесс обещал быть затяжным¹⁸.

К середине 1980-х годов Индонезия оставалась единственной страной АСЕАН, которая не имела с Китаем ни прямых торговых, ни дипломатических отношений.

Пекин был заинтересован в нормализации отношений с политических позиций, а Индонезия скорее экономических. Однако противники установления прямых экономических и торговых связей с Китаем заявляли, что при обмене торговыми представительствами присутствие в китайском дипломатов создаст угрозу безопасности в стране. МИД Индонезии в целом выступал за нормализацию торговых связей, но министерство обороны было решительно против спешки.

Часть индонезийской буржуазии не скрывала опасений по поводу того, что в случае установления прямых экономических связей с северным соседом китайские бизнесмены полностью монополизируют торговлю с КНР.

Однако уже в конце 1984 г. Министр иностранных дел Мохтар Кусумаатмаджа заявил в американской торговой палате, что хотя Индонезия не готова к нормализации дипломатических отношений с Китаем, индонезийские бизнесмены за установление прямых торговых отношений с ним¹⁹. Ведь индонезийская торговля с Китаем осуществлялась через третьи страны и посредников, в основном через Гонконг. Тянуть далее было же ущебно. Соседи Индонезии по АСЕАН успешно пользовались плодами либерализации экономической политики Пекина. Было неразумно игнорировать столь многообещающий рынок, каким стал Китай. Индонезийский экспорт нефти нес серьезные убытки. Сторонники скорейшего восстановления торговых связей с КНР считали момент благоприятным, так как у власти в Китае находится прагматический режим, с которым весь мир налаживает отношения²⁰. Вместе с тем, и они четко отделяли торговые связи от дипломатических отношений.

Орган индонезийских вооруженных сил газета «Ангкатын Берсенджата» писала, что было бы вполне естественным открыть дверь для прямой торговли, учитывая, что и без того большое количество товаров из Китая попадает в Индонезию, а в Китае большой спрос на сырье. Однако необходима серьезная подготовка к этому, так как появление в странах торговых представительств облегчит процесс нормализации дипломатических отношений, с чем не следует спешить. Подчеркивалось, что Индонезия не сталкивалась ни с какими трудностями на международных форумах из-за отсутствия дипломатических отношений с Китаем. Напротив, она «наслаждалась миром и стабильностью»²¹.

Таким образом, отношение в стране к восстановлению торговых связей с КНР было неоднозначным. Консервативные тенденции с конца 1960-х до середины 1980-х явно преобладали. Однако восстановление торговых связей стало насущно необходимо. Значительную роль в этом сыграла Торгово-промышленная палата Индонезии (КАДИН), которой удалось, в конце концов, «проложить дорогу» для налаживания прямых торговых контактов с КНР.

В июле 1985 г. почти через 20 лет после разрыва отношений в Сингапуре был подписан протокол, в соответствии с которым были установлены прямые торговые связи, что, безусловно, было продиктовано экономической и геостратегической целесообразностью. Хотя Джакарта саботировала открытие торговых представительств,

индонезийско-китайские отношений пошли по восходящей траектории.

Такая тенденция объяснялась как сложившимся на мировом уровне общим курсом на разрядку политической обстановки, так и заинтересованностью Китая в налаживании прочных экономических связей с Индонезией, которая становилась все более влиятельной силой в АСЕАН и Восточной Азии в целом²².

Выстраивание конструктивного диалога с Китаем было выгодно и Индонезии. Во-первых, практически все члены Ассоциации активно торговали с Поднебесной. Во-вторых, дальнейшее игнорирование перспектив взаимодействия и сотрудничества с Китаем могло нанести удар по имиджу Республики. Предполагалось, что более тесные контакты с китайской стороной могли бы оказать положительное влияние на экономическую ситуацию, разрешение которой на том этапе во многом определялось притоком финансовых ресурсов из-за рубежа. А. Малик еще в 1971 г. констатировал, что отсутствие торговых связей с Китаем уже нанесло Индонезии серьезный ущерб.

После восстановления торговых связей во второй половине 80-х годов в Индонезии начал активно обсуждаться вопрос о перспективах восстановления дипломатических отношений. Обстановка была достаточно благоприятной. Пекин, уступив в сфере экономики, спешил взять реванш в сфере политики. Толчок дала поездка в Джакарту заместителя министра иностранных дел КНР Лю Шучина на очередную сессию Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана ООН в апреле 1988 г. Находясь в Джакарте, китайский представитель еще раз повторил, что КНР заинтересована в нормализации отношений с Индонезией и обещает не вмешиваться во внутренние дела других стран²³.

Сухарто не принял Лю Шучина, а министр иностранных дел Али Алатаас заявил, что двусторонние проблемы будут решаться постепенно. Госсекретарь Мурдиано, курирующий вопросы прямой торговли с КНР, отклонил даже идею обмена торговыми представительствами, назвав ее преждевременной при незначительном объеме взаимной торговли. А министр-координатор по вопросам политики и безопасности Судомо отмечал, что Китай все еще не дал конкретных гарантий невмешательства во внутренние дела Индонезии²⁴.

Вместе с тем, советник президента Сухарто Халман Адил констатировал изменения во внешней политике Пекина, который

все больше демонстрировал дружественное отношение к политике АСЕАН и официально заявил о прекращении поддержки антиправительственных группировок в странах Ассоциации. Высокопоставленные индонезийские чиновники считали, что Китай не представляет в ближайшем будущем серьезной угрозы для Индонезии с военной точки зрения. Их гораздо больше беспокоил вопрос о связях Пекина с китайской колонией или проблема *хауацяо* вообще.

Эту проблему Джакарта стремилась решить до восстановления дипломатических отношений. Правительство Индонезии взяло курс на мобилизацию на нужды развития страны всех внутренних резервов, в том числе капиталы, деловые связи и опыт бизнесменов китайского происхождения, придав курсу на ассимиляцию новую направленность.

Проблема ассимиляции стала трактоваться не как слияние или растворение китайской общины, а как естественный процесс ее интеграции в многонациональное индонезийское общество в качестве равноправной социально-этнической группы, играющей свою роль в развитии государства.

Двусторонние связи начали быстро развиваться со второй половины 1980-х годов, когда режим Сухарто стал воспринимать Китай в большей степени как экономического партнера, нежели идеологическую угрозу. Кроме того широкие круги индонезийской общественности стали выступать за восстановление дипломатических отношений.

Долгий марш к нормализации отношений между Индонезией и Китаем вышел на финишную прямую.

Джакарта снизила уровень требований к Пекину, практически оставив главное – невмешательство Китая во внутренние дела Индонезии по широкому аспекту проблем. Даже Мурдани – министр обороны в 1988 г. заявлял, что Индонезия идеологически уже готова возобновить дипломатические отношения с Китаем, но не спешит это сделать. То есть вопрос из стратегического стал просто тактическим.

Гордое одиночество Индонезии в АСЕАН как страны, открыто конфликтующей с Китаем, уже тяготило Джакарту. Нормализация отношений позволяла создать необходимый баланс присутствия великих держав в регионе ЮВА, ускорить решение камбоджийской проблемы, что всячески поддерживала Индонезия, укрепить позиции страны в движении неприсоединения. Сухарто во время встречи с премьером Сингапура Ли Куан Ю в Токио на похо-

ронах императора Хирохито в феврале 1989 г. сообщил что развиваются процессы, которые в конечном итоге должны привести к восстановлению дипломатических отношений Индонезии с Китаем. На встрече Сухарто с министром иностранных дел Китая была достигнута договоренность, что представители их миссий в ООН вступят в переговоры о нормализации отношений²⁵.

Встав на путь ускоренного сближения, Джакарта, тем не менее, определяла его темп.

К полной нормализации отношений вывел первый с 1967 г. визит министра иностранных дел Индонезии в Китай по приглашению Пекина в начале июля 1990 г. Должностные лица в Пекине не рассчитывали, что переговоры министров иностранных дел станут чем-то бóльшим, чем просто очередная демонстрация доброй воли сторон. Однако результаты превзошли все ожидания.

Али Алатас и его китайский коллега Цянь Цичень в подписанном коммюнике объявили, что дипломатические отношения стороны установят 8 августа 1990 г. с последующим обменом послами. Таким образом, была назначена более ранняя дата нормализации, чем ожидалось. Обозреватели отмечали, что не было никаких признаков того, что Алатас назначит дату раньше октября месяца. В качестве единственного предварительного условия Индонезия предусматривала визит китайского премьера в Джакарту по приглашению президента Сухарто как символ полного примирения, чтобы продемонстрировать, что нормализация отношений не техническое мероприятие, а новый важный шаг в международно-политическом развитии всего АТР.

Было сообщено, что китайский премьер нанесет официальный визит в Джакарту 6-9 августа по приглашению Сухарто, чтобы формально отметить возобновление отношений²⁶.

Китайские должностные лица были удивлены как выбором времени, так и быстрым приглашением Ли Пена, поступившем от Сухарто. Но Алатас поддерживал тесную связь с Сухарто через государственного секретаря Мурдиано, что позволило принять решение на месте во время визита, что было необычно для дипломатической практики Индонезии при решении столь важных вопросов. Джакарта видела, что Пекин хочет «быстрой нормализации отношений».

Китай почти полностью списал индонезийский долг. Стороны сошлись на незначительной сумме. Пекин предложил паспорта

всем этническим китайцам, не имеющим гражданства Индонезии. Остальным Индонезия предлагала постоянный вид на жительство.

Визит Ли Пэна в Джакарту начался 6 августа 1990 г. На переговорах с президентом Сухарто стороны выразили готовность улучшить отношения между странами на основе Пяти принципов мирного сосуществования и Десяти принципов Бандунгской конференции. 8 августа министры иностранных дел двух стран от имени своих правительств подписали Меморандум о восстановлении дипломатических отношений. Была достигнута договоренность о предоставлении свободы выбора гражданства китайцам. Ли Пен заявил, что Пекин не намерен использовать в своих интересах этнических китайцев, проживающих в Индонезии и других странах ЮВА. Он подчеркнул, что выходцы из Китая могут внести вклад в укрепление дружбы между народами этих стран и призвал индонезийское руководство взять под защиту законные права и интересы этнических китайцев²⁷. Правительства обеих стран подтвердили, что не признают двойного гражданства и взяли на себя обязательство защищать и уважать законные права и интересы своих граждан, проживающих на территории Индонезии и Китая²⁸. Вскоре после визита Ли Пэна министр обороны и безопасности Мурдани заявил, что в ответ на обещание Пекина не использовать в своих интересах *хуацяо* необходимо принять меры для ликвидации самого этого понятия²⁹.

Визит президента Сухарто в Пекин в ноябре 1990 г. можно считать скорее ритуальным подтверждением успешных индонезийско-китайских переговоров, открывших новую страницу в истории двусторонних отношений.

Заключение

После 23-летнего перерыва Индонезия восстановила дипломатические отношения с Китаем. По мере роста его влияния на мировой арене Джакарта испытывала все более настоятельную потребность в наличии полномасштабных официальных отношений с этим гигантом, что заставляло ее преодолеть многолетние антикоммунистические и в основном антикитайские настроения долгое время господствовавшие в среде армейского руководства. Именно необходимость налаживания торгового и экономического сотрудничества подтолкнуло страны к нормализации отношений.

В 1990–е годы отношения Индонезии и Китая в целом развивались по нарастающей, хотя и не такими быстрыми темпами, как

многим хотелось. Конец холодной войны и определенная демократизация процесса международных отношений оказали серьезное влияние на индонезийско-китайские связи. Резко увеличилось количество контактов как на официальном, так и неофициальном уровнях. Этот процесс носил объективный характер. Две крупнейшие азиатские страны не могли войти в XXI век, кардинально отличный от века предшествующего в качестве непримиримых противников, что вносило серьезный дисбаланс не только в систему международных отношений в Восточной Азии, но и мира в целом.

Однако проблем этнических китайцев так и не была решена после установления дипломатических отношений. Они по-прежнему оставались объектом недоверия и подозрительности, а их материальное благополучие оставалось вечным предметом раздражения наиболее бедных слоев индонезийского населения, что снова особенно ярко проявилось в ходе финансового кризиса, поразившего страны ЮВА в 1997–1998 гг. Кроме этого в XXI веке в отношениях двух стран обострилась и проблема спорных островов в ЮКМ.

¹ Сухарто был избран президентом в 1968 г.

² Suharto. Pidato Kemenangan. Jakarta, 1967. h.23.

³ Волжин Н. Индонезия: Внешняя политика «Нового порядка». М. 1985. С.84.

⁴ А. Другов отмечает, что и при Сукарно в стране имели место в 1963 г. антикитайские погромы на Западной Яве. Но в 1965–1967 гг. такого рода действия прямо поощрялись армией.

⁵ Волжин Н. Индонезия: Внешняя политика «Нового порядка». М. 1985.84

⁶ Другов А.Ю. Индонезия после событий 1965 года. М. 1973. С. 203.

⁷ Волжин Н. Индонезия: Внешняя политика «Нового порядка». М. 1985. С. 88.

Другов А.Ю. Индонезия после событий 1965 года М. 1973.

⁸ См. Другов А.Ю. Индонезия после событий 1965 года. М. 1973.

⁹ Sinar Harapan, 27.12.1969.

¹⁰ Волжин Н. Индонезия: Внешняя политика «Нового порядка». М. 1985. С. 89.

¹¹ Abadi, 17.07.1971.

¹² Analisa, 18.11.1974.

¹³ Волжин Н. Индонезия: Внешняя политика «Нового порядка». М. 1985. С. 92

¹⁴ От национального освобождения к социальному. М. 1982, С.102-103.

¹⁵ Antara, 26.06.1973.

¹⁶ Far Eastern Economic Review 21.09.1979; ТАСС, 24.10.1979.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В конце 1983 г здание посольства в Индонезии было передано в пользование джакартского губернаторства в связи с истечением срока аренды здания и земли еще в 1980 г.

¹⁹ Будут ли возобновлены торговые отношения между Китаем и Индонезией? // ТАСС (обзор индонезийской печати) 05.12.1984.

²⁰ О торговле между Индонезией и КНР // «Эйшн Уолл Стрит Джорнал», 9.1982. / ТАСС. 07.01.1983.

²¹ Сидоров К.Н. Индонезийская пресса о перспективе нормализации отношений с Китаем / ТАСС, 02.02.1983.

²² Хонг Марк. Три проблемы стоящие перед АСЕАН / АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы. М. 2002. С.205.

²³ О проблемах внешней политики Индонезии // «Фар Истерн Экономик Ревью», 05.06.1988 / ТАСС 18.06.1988.

²⁴ Там же.

²⁵ Урляпов В.Ф. Индонезия и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, М.: Восточная литература, 1993. С. 232.

²⁶ Петров А. Этнические китайцы в Индонезии / ТАСС, 26.11.1990.

²⁷ Более 500 тыс. этнических китайцев не сумели или не сочли нужным получить индонезийские паспорта после 1969 г. и рассматривались индонезийскими властями как иностранцы, временно или незаконно проживающими в Индонезии.

²⁸ Китай и Индонезия хоронят прошлое // FEER 12.07.1990 / ТАСС 31.07.1990.

²⁹ Петров А. Этнические китайцы в Индонезии / ТАСС, 26.11.1990.